

Шлаина В. М.

**«ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА»
(СОЗНАНИЕ, МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ)**

Рассматривается соотношение процессов мышления, языка и речи, связь процессов восприятия с речевыми процессами и с языковым описанием мира.

Ключевые слова: мышление, речь, язык, информация, психология, соционика, тип информационного метаболизма, сознание.

«Волишебство существует благодаря нашей способности отфильтровывать информацию из окружающей обстановки и формировать уникальные восприятия реальности»

Л. Завалкевич

Одно из существенных отличий человека как вида от животного состоит в способности рассуждать и мыслить абстрактно, критически размышлять о своей жизни, о прошлом, мечтать о будущем, разрабатывать и реализовывать свои планы и программы действий. Все это вместе взятое связано со сферой человеческого сознания. Исследователи сознания неизменно отмечают готовность сознания к познанию других психических явлений и самого себя.

Наша «наделенность» типом информационного метаболизма позволяет человеку даже без волевых усилий создавать в своем сознании картину Мира. Пусть не структурированную, без определенных и четко обозначенных границ, но позволяющую ориентироваться «по наитию». Т. е. **сразу. Потому что человек «знает» ситуацию, положение вещей — без всяких слов.**

Каждая функция информационного метаболизма срабатывает как своеОБРАЗный *фильтр-преобразователь-проводник* информационных сигналов. Сигналы, поступающие «из ниоткуда», благодаря ТИМу преобразуются в первичные образы-отражения, и человек может бессознательно, неумышленно и ненамеренно транслировать «в никуда» свой ТИМ-ный образ — собой, своим поведением, действиями, любым телесным выражением. Мы познаем окружающий мир при помощи органов чувств (всеми наличествующими у человека датчиками-анализаторами), осмысливаем воспринятые сигналы и выражаем эти смыслы своим образом Жизни.

Однако сознание как высшая форма психического отражения неразрывно связано с ведущими психическими процессами — мышлением и речью, элементарной единицей которых является слово. Словами человек оформляет и транслирует свои «знания» о Мире.

Благодаря этим процессам осуществляется взаимопроникновение информационных сигналов бессознательного и сознания, осуществляется интеграция огромных пластов человеческого бытия. Благодаря мышлению и речи наши представления о Мире и о самих себе значительно расширяются, обогащаются и становятся четко структурированными, определенными.

Изумительное, необычное, *волишебное* и захватывающее описание дал человеческому сознанию Ричард Бах [6]:

«Мы являемся фокусирующими точками сознания с огромной созидательностью. Когда мы вступаем на автономную голограмметрическую арену, называемую нами пространство-время, мы сразу же начинаем в неистовом продолжительном фейерверке продуцировать творческие частицы, ИМАДЖОНЫ. Имаджоны не имеют собственного заряда, но легко поляризуем нашим отношением и силами нашего выбора и желания, образуя облака КОНЦЕПТОНОВ, принадлежащих к семейству частиц с очень большой величиной энергии и способных либо принимать позитивный или негативный заряд, либо быть нейтральными.

К основным типам позитивных концептонов относятся: экзайлероны, эксайтоны, рапсодоны и джовионы. К негативным — глумоны, торментоны, трибулоны и мизероны.

Бесконечное число концептонов рождается в непрерывном извержении, водопаде продуктивности, изливающимся из любого центра персонального сознания. Они образуют концептонные облака, которые могут быть как нейтральными, так и сильно заряженными жизнерадостностью, невесомыми или свинцовыми, в зависимости от природы преобладающих в них частиц. Каждую наносекунду бесконечное число концептонных облаков образуют критические массы, превращаясь путём квантовых взрывов в высокоэнергетические вероятностные волны, излучаемые с тахионной скоростью сквозь вечный резервуар, содержащий в сверхконцентрированном виде различные события. В зависимости от их заряда и природы, эти вероятностные волны кристаллизуют некоторые из этих потенциальных событий в соответствии с ментальной полярностью творящего их сознания на голографическом уровне. Материализованные события превращаются в опыт творящего их сознания, будучи для большей достоверности наделены всеми аспектами физической структуры. Этот автономный процесс — фонтан, порождающий все предметы и события в театре пространства-времени.

Правдоподобие имаджонной гипотезы каждый может легко подвергнуть проверке. Эта гипотеза утверждает, что, сконцентрировав наше сознание и мысли на положительном и жизнеутверждающем, мы поляризуем массы положительных концептонов, порождаем доброжелательные вероятностные волны и, таким образом, порождаем полезные для нас события, которые в ином случае не произошли бы.

Обратное справедливо для отрицательных и промежуточных событий. Намеренно или по ошибке, произвольно или в соответствии с неким замыслом, мы можем не только выбирать, но и творить видимые внешние условия, оказывающие значительное влияние на наше внутреннее состояние».

Психологические характеристики сознания человека следующие:

1. **Ощущение себя познающим субъектом.** Это означает, что человек осознает себя как отделенное от остального мира существо, готовое и способное изучать и познавать этот мир, то есть получать более или менее достоверные знания о нем. Человек осознает эти знания как феномены, отличные от объектов, к которым они относятся, может сформулировать эти знания (выразив их в словах, понятиях или разнообразной символике), передать их другим людям и будущим поколениям, а также хранить, воспроизводить и работать с массивами знаний как с особыми объектами.
2. **Способность мысленно представлять действительную и виртуальную реальность** — тесно связана с психической функцией воли человека (как и сознание в целом). О сознательном управлении представлениями и воображением говорят обычно тогда, когда они порождаются и изменяются усилием воли человека. (Если же воображение и представление выходят из-под сознательного контроля человека, возникает спонтанное течение мыслей, образов, ассоциаций — так называемый *поток сознания*, — которое считается одной из существенных характеристик особых состояний сознания). Кроме того, сознание теснейшим образом связано с *речью* и без нее в своих высших формах не существует. В отличие от других познавательных процессов (ощущения, восприятия, памяти) **сознательное отражение** характеризуется рядом специфических свойств. Одно из них — осмысленность осознаваемого, т. е. его словесно-понятийная означенность, наделённость определенным смыслом, связанным с человеческой культурой. Другое свойство сознания состоит в его направленности: в нем отражаются не все и не случайные характеристики объектов, событий, явлений, а только основные, сущностные характеристики. То есть то, что характерно именно для них и отличает их от других, внешне похожих на них объектов и явлений.
3. **Способность контролировать собственные психические и поведенческие состояния и управлять ими.**

4. **Способность видеть и воспринимать в форме образов окружающую действительность.** Наиболее ярким примером образного человеческого сознания служат искусство, музыка, литература (для которой *язык* — лишь **средство** передачи образов). Они также выступают как формы отражения действительности, но не в абстрактной, а в образной форме.
5. **Способность к коммуникации** — передаче с помощью языка и других знаковых систем того, что осознает данный человек. С помощью языка человек передает другим людям не только и не столько сообщения о своих внутренних состояниях, сколько то, что он знает, видит, понимает, представляет, т. е. объективную информацию об окружающем мире.

С этим связано и наличие в человеческом сознании интеллектуальных схем — определенных когнитивных структур, в соответствии с которыми человек воспринимает, перерабатывает и хранит информацию об окружающем мире и о самом себе. Такие схемы включают понятия, логические операции, правила, используемые людьми для приведения имеющейся у них информации в определенный порядок, включая отбор, классификацию информации, отнесение ее к той или иной категории.

Каждому ТИМу присущ свой способ организации слов в предложение, свой образ высказываний. Обмениваясь друг с другом разнообразной информацией, люди выделяют в сообщаемом главное (по их *естественным* и/или *привычным* представлениям), абстрагируясь от всего второстепенного и сосредоточивая сознание на самом существенном (для них).

Откладываясь в общественной лексике и семантике в понятийной форме, это главное затем становится достоянием индивидуального сознания человека, по мере того как он усваивает язык и научается пользоваться им как средством общения и мышления. Такая система значений составляет пласт общественного сознания, которое в знаковых системах языка существует независимо от каждого индивидуального сознания. Таким образом, вполне обоснованным будет сказать, что без языка сознание человека невысказуемо.

Проблема взаимоотношений между *языком* и *речью* еще не разрешена окончательно. Нередко в качестве синонимов употребляют эти термины не только в разговорном, но и в научном плане. Однако психологи предпочитают различать их по следующему признаку: *речь* — это определенный познавательный процесс, тогда как *язык* — это система средств речевой деятельности. *Речь* представляет собой способ формирования и формулирования отдельных мыслей, *язык* является инструментом, орудием, с помощью которого эти мысли получают окончательное оформление. **Речевая деятельность человека** представляет собой индивидуально реализуемый процесс кодирования и декодирования информации в той или иной языковой форме.

Таким образом, *язык* — система знаков, символов и правил оперирования ими, в которой закрепляются обобщенный и опосредованный опыт отражения реального мира. *Язык* — это всегда результат совместной деятельности социальных общностей разных масштабов. Овладение *языком* — это освоение универсального средства закрепления и передачи от поколения к поколению достижений человеческой культуры, искусства, науки. С помощью *языка* конкретный человек получает возможность овладевать опытом общественно-исторической практики человечества.

В процессе развития человек овладевает надиндивидуальным кодом и языком, чтобы затем с его помощью приобщаться к мировой и национальной культуре, приобщаться к знаниям, закрепленным благодаря языковым средствам, знаниям, зафиксированным и сохраненным в письменной речи. На индивидуальном уровне язык является одновременно и *средством*, с помощью которого организуется непосредственное общение, и *условием* присвоения обобщенного опыта конкретным человеком, и *формой существования* этого опыта.

Речь — важнейшая составляющая психической жизни человека. В обыденном представлении речь нередко рассматривается как второстепенный фактор. Как форма, в которую облакаются мысли, чувства, переживания человека. Многие люди, владея скудным словарным запасом, даже не испытывают особой потребности в его расширении. Более того, с

каждым годом этот словарный запас нередко уменьшается. Зачастую мы не можем сделать содержание наших чувств, мыслей, переживаний актуальными для другого человека, ибо словарный запас истощился и оскудел.

У человека, незнакомого с психологией, подчас складывается мнение, что речевая деятельность осуществляется прежде всего на основе памяти. Что идет процесс накопления необходимого набора слов — для их использования применительно к возникающим обстоятельствам. Однако речь — это не только своевременное вспоминание слов, уместных для данной жизненной ситуации. Это — сложный процесс отражения окружающего Мира в особых символических формах, особый и весьма сложный вид деятельности. Убедительным доказательством этому служат трудности, которые испытывает большинство людей, пытаясь передать словами свои мысли, переживания или пожелания.

- **Например, попытайтесь передать только словами, что такое «зыбь» или «рябь».**

Речь как фактор индивидуальной жизни человека без усвоения определенного языка просто невозможна. Общим звеном и для языка, и для речи является **значение слова**, т. е. относительно неизменное (на данном отрезке времени) содержание соответствующего понятия. Благодаря овладению значениями языковых средств люди получают **возможность понимать друг друга** даже при наличии разных типов информационного метаболизма.

Однако значение слова в индивидуальной речи может приобретать дополнительное содержание, определяемое жизненным опытом человека. Это те сугубо личные мысли, образы, ассоциации, эмоции, которые данное слово вызывает у конкретного человека. Такое индивидуализированное значение получило название *личностного смысла*. Поэтому одна и та же фраза, имеющая внешне совершенно безобидное и психологически нейтральное значение, разными людьми (в соответствии с выделяемыми из нее *личностными смыслами*) может восприниматься как похвала или порицание, разрешение или запрет.

- Например, вопрос «можно?» воспринимается и трактуется по-разному представителями разных квадр. **β**-квадра, где «можно только то, что разрешено», первично трактует это слово как запрос на получение четко означенного разрешения или запрещения (естественно и нормально услышать в ответ «можно» или «нельзя»). Квадра **γ** трактует это же слово как запрос на определение наличия или отсутствия реальных возможностей (т. е. возможностей для конкретных действий), поскольку для **γ** «можно все то, что не запрещено». Вместе с тем, не зря существует пословица «С волками жить — по волчьи выть». К примеру, если кто-то из **γ** достаточно долгое время «поварится в соку» **β**, что называется «**пропитается духом квадры**» (или наоборот, кто-то из **β** «проникнется» духом **γ**), то вместе со своим ТИМным и кадровым смыслом будет придавать слову «можно» то выученное значение, к которому привык за время пребывания в соответствующей языковой среде. А если это было с самого рождения....
- «Как не забыть язык родного племени, когда его и знать не суждено» (А. Медведенко).

Смыслы слов отражают не столько объективный, сколько субъективный мир человека, особенности его психической жизни. Поэтому речевую деятельность часто используют в психодиагностике как один из надежных инструментов выявления личностных особенностей человека, его психических свойств и состояний.

Так, усвоив слова и смыслы, свойственные духу другой квадры, человек, даже говоря на «другом» языке, переживает адекватные своему ТИМу смыслы и **своеОБРАЗно** строит свою речь. И даже в самой благоприятной обстановке, при взаимной доброжелательности и общей заинтересованности, возникают и проявляются **недоразумения** (как непонимание смыслов, а также как недостаточность умений по распознаванию значений слов и фраз, употребляемых другим человеком).

Примером тому может послужить следующий случай.

Однажды в «Клубе практической психологии», организованном в г. Днепропетровске А. П. Тихоновым (и существующим уже более 4 лет), на одном из занятий был проведен следующий эксперимент. Участникам было предложено сделать (в письменном виде) описание двух объектов: двух картинок (черно-белые контурные рисунки) и двух игрушечных

плюшевых собачек, соединенных ленточкой друг с другом. Целью эксперимента было выявление аспектов информационного потока, наиболее часто используемых при описании объектов каждым участником (ТИМы некоторых участников были уже известны). Девять участников фиксировали свои описания на листах бумаги и в дальнейшем зачитывали — сначала полностью текст, а затем — по предложениям, медленно и четко, для опознания и идентификации аспектов информационного потока. Результаты фиксировались на доске в виде таблицы, где были представлены графические символы 8 аспектов информационного потока, а также 4 символа, используемых в «Символьной соционике» (автор С. В. Савченко), позволяющих распознать **образ** высказываний («мечи», «посохи», «кубки» и «пентакли»), манеру говорить и организовывать слова в предложения.

Забавный и показательный был инцидент, когда одна из участниц (ТИМ — *предположительно* ИЭЭ, что сопоставимо с образом «*Рыцарь кубков*» в «Символьной соционике»), зачитала свое описание рисунка, а ведущий (ТИМ которого — ЛИЭ, что сопоставимо в «Символьной соционике» с образом «*Рыцарь пентаклей*») пытался выкристаллизовать и выделить проявленность в описании аспектов информационного потока. Согласно «Символьной соционике», «кубки» и «пентакли» находятся в противоречии, взаимно исключают друг друга. В реальности было вот что: у ведущего «глаза на лоб полезли» и «ум за разум зашел» от напряженного стремления вычленив аспекты в столь невообразимом коктейле. Однако «кубковость» текста-описания была опознана сразу. А в дальнейшем, при замедленном чтении и активной помощи других соционически грамотных участников были отфильтрованы и выделены аспекты информационного потока, задействованные в данном тексте.

Если рассмотреть связь речи с другими психическими явлениями, то мы увидим следующее. Речь человека и ее отдельные элементы (слова) — не просто структурные компоненты психики. Слово связано со всеми проявлениями психической жизни человека. Влияние речевой деятельности на психическую жизнь человека, с одной стороны, весьма велико, а с другой стороны, — крайне редко осознается в повседневной жизни.

Существенное влияние оказывает слово на процесс восприятия. С помощью слов вызываются образы-представления, и с помощью слова же они опознаются, идентифицируются, соотносятся с обобщенным образом объектов данного класса. Под действием слов формируется наше представление об окружающем мире, и наоборот, воспринимая мир, мы записываем информацию о нем в нашу «карту мира». Если бы таких записей не существовало, то нам бы пришлось оценивать мир каждый раз заново. А каждый раз, произнося слово, человек вызывает описание мира, связанное с этим словом. В НЛП уделяется довольно большое внимание перекодировке опыта. Это может быть полезным в случае, когда человек получил негативный опыт и не может поменять отношение к нему. Большое влияние имеют субъективные переживания, вызываемые словом, на органическом уровне (для организма слова являются тем, каково их *субъективное значение* для каждого человека).

Органическая связь существует между мышлением и речью. Мысль не только выражается в слове — она существует в слове. **Культура мышления — это, прежде всего, способность к четкому выражению мыслей, точному подбору слов.** Недаром в науке все чаще используют термин «*речемыслительная деятельность*» как интегральный вид познавательной активности человека, в котором мышление и речь неразрывны.

Значительный вклад в решение проблемы о взаимоотношениях между процессами мышления и речи внес Л. С. Выготский [2], что стало классическим достоянием мировой психологии. Рассмотрим некоторые из его положений.

Первичной структурной единицей как речи, так и мышления является слово. Оно одновременно относится и к тому, и к другому процессу. Именно слово представляет собой ту живую клеточку, которая в самом простом виде содержит присущие речевому мышлению основные свойства. Сложность понимания этих свойств определяется тем, что слово — это не просто ярлык, который наклеивается в виде конкретного названия на отдельный предмет. Слово — или иначе *понятие* — всегда характеризует то, что обозначает в обобщенном виде,

относя его к определенной группе или классу сходных объектов. Следовательно, оно одновременно является актом мышления.

Несмотря на свою функциональную нерасторжимость, мышление и речь имеют разные генетические корни. Мышление возникло как функция обобщенного отражения, а речь первоначально выполняла преимущественно коммуникативную функцию. Именно поэтому речь и мышление не всегда совпадают. Есть виды мышления, не связанные с речью (эмоциональный интеллект, наглядно-действенное мышление). Имеются и средства коммуникации, не связанные с мышлением — невербальное общение, например, выразительные движения, жесты, мимика, которые несут информацию о внутреннем состоянии субъекта, однако, в отличие от мышления, не содержат никакого обобщения.

И в филогенезе (эволюционном развитии психики), и в онтогенезе (истории конкретного индивида) отчетливо проявляются *доречевая* стадия в развитии мышления и *доинтеллектуальная* — в развитии речи. Л. С. Выготский [2] доказал, что переломным моментом, соединяющим две линии индивидуального развития (речевой и мыслительной), является двухлетний возраст. Именно в это время речь становится интеллектуализированной, а мышление — речевым. Малыш открывает для себя символическую функцию речи, улавливает влияние обобщения и начинает им активно пользоваться.

Для того чтобы ребенок овладел определенным языком, мог реализовывать речевую деятельность, ему необходимо социальное окружение. Оно задает образцы речевой деятельности, обеспечивает необходимым знаковым материалом (языковыми средствами). Однако не менее важен и иной аспект — именно общение с людьми побуждает ребенка самому выражать в словесной форме свои нужды, потребности, желания.

Как пишет в своей книге «Язык и сознание» А. Р. Лурия [4], основной функцией слова как структурного элемента речевой деятельности является его обозначающая роль (предметная отнесенность). Мир человека, овладевшего новыми языковыми возможностями, удваивается. С помощью языка он может иметь дело с предметами, которые им непосредственно не воспринимались и которые не входили в состав его собственного опыта. Одновременно он получает возможность прилагать волевые усилия к управлению своим восприятием, памятью, действиями. Благодаря слову он может выполнять действия мысленно, оперировать вещами, даже если они отсутствуют, совершать над ними умственные операции и эксперименты. Именно слово дает реальную возможность усвоить опыт поколений, который иначе был бы невозвратно утрачен для человечества.

Лишенный возможности выразить с помощью речи происходящее, человек не всегда может понять, ЧТО с ним происходит. Ведь импульсы и сопровождающие их образы обычно смутны, аморфны, не поддаются описанию и классификации вне какой-то обобщающей системы и категоризации. К тому же мы знаем, что эмоции и чувства часто амбивалентны: в одно и то же время человек может испытывать чувство национального превосходства и жалости или пренебрежения к представителю другой национальности. Или — любви к источнику влечений и ненависти к нему же по поводу того предпочтения, которое отдано сопернику. Или — общего уважения к человеку и недоумения или изумления по поводу совершенного им необъяснимого поступка. Только речь, называющая соответствующие явления и тем самым подводящая их под определенную категорию, способна очертить в нашем сознании круг для отчетливого выделения сущностных свойств наблюдаемого или переживаемого явления. Так, когда человек говорит сам себе, что он испытывает гнев, голод, повышенное давление или ностальгию, то он начинает понимать, ЧТО с ним происходит, структурирует аморфные переживания и выделяет в них сущностные аспекты. Тем самым его ощущения, переживания конкретизируются, уточняются, осмысливаются путем соотнесения с опытом, уже имевшимся ранее или полученным из других источников информации.

Особенно интересно соотношение между мыслью и словом во внутренней речи. В отличие от речи внешней, звучащей, внутренняя речь обладает особым строением: она фрагментарна, свернута. Она может быть более или менее связной, последовательной, осознаваемой. А может представлять собой отдельные обрывки мыслей, выплывающие откуда-

то из глубин сознания, не подчиняющиеся воле, непонятные даже самому «автору» этих мыслей.

Еще одна особенность внутренней речи — это агглютинация, т. е. существенные сокращения, своеобразное слияние нескольких слов в одно. В результате образуются слова с двойным, тройным и более смыслом, вбирающие в себя значения и смысл каждого из объединенных с ними слов. Индивидуальное мышление нередко работает со словами, вбирающими в себя смысл целых высказываний, т. е. с некими «концентрированными сгустками смыслов».

Таким образом, в мыслительных операциях человека не всегда участвуют слова как таковые. Думающий человек не проговаривает их полностью и в строго логической последовательности про себя. Опираясь на смысловые аналоги, мышление не привязано непосредственно к содержанию отдельных слов, оно может пользоваться и теми значениями, которые выходят за пределы строго научных понятий. Именно поэтому скорость мыслей намного превышает скорость речи.

Однако когда необходимо передать содержание собственных мыслей другому человеку, сделать их достоянием окружающих, возникает проблема их словесного оформления. А это сопровождается напряженной работой по «расщеплению» обобщенных смыслов, дифференциации и осмыслению конкретных смыслов, подбору слов для их выражения, конструированию отдельных предложений и речевого сообщения в целом.

«Эмоционально-образное мышление соответствует смыслам, так мы воспринимаем картину гениального живописца. Но чтобы передать свои мысли по поводу рассматриваемой картины другому, нам необходимо свои смыслы разложить на значения и знаки, буквы и звуки, и уже эти вещи, определенным образом организовав, можем передать сознанию другого человека в процессе рассказа» [3, с.58-59].

Кроме того, многие формы речевого воздействия имеют комплексный характер и не сводятся к каким-то строго определенным свойствам, процессам, состояниям. Например, А. А. Мельникова [5], проводившая исследование взаимосвязи структуры языка и ментальности, пишет следующее: «...русскому, достаточно разветвленному типу согласования членов предложения, соответствует закреплённая в словарном составе языка дифференцированность межличностных отношений, с отдельным вычленением отношений различной степени близости, тщательной их градацией и закреплёнием за этими разными типами близости различных ожидаемых действий. Такая структура отношений помогает лучше подстраиваться под окружающих, являясь необходимой частью конформистской установки. В то же время в языке, в котором отсутствует столь сложный и разнообразный вид согласования, отсутствует и указанная дифференцированность в межличностных отношениях». [5, с.201].

И далее: «Если рассматривать нашу культуру, то отсутствие жестко регламентированного порядка расположения членов предложения, впитываясь на бессознательном уровне, создает установку для формирования как картины мира с определенными характеристиками, так и способа действия в нем. Вполне логично, что мир, при отсутствии жесткой регламентации расположения слов, видится образованием без четко проработанной и всеобъемлющей структуры, в нем властвуют случайные обстоятельства и может случиться все что угодно — при анализе русской картины мира мы обнаруживаем подтверждение этого как в лексике, так и в грамматических конструкциях, демонстрирующих высокую степень неопределенности (причем в категориях неопределенности носители русского языка склонны описывать и деятеля, и действие, и процесс его осуществления). Нелогичный, неструктурированный и, следовательно, непросчитываемый образ мира требует от носителей такого образа наличия в поведенческом сценарии ряда нелогичных, неконструктивных действий — это подтверждает анализ особенностей русской деятельности, тяготеющей скорее к спонтанности, чем к рациональному планированию, к действию по наитию, а не по расчету» [5, с.315].

Также А. А. Мельникова делает вывод, что «...каждый этнос, создавая свою адаптационную стратегию, фиксирует ее в ряде транслирующих механизмов. Эти механизмы разнородны по своей устойчивости к историческим изменениям, трансформируясь или совсем исчезая из культурного поля под их воздействием через различные интервалы времени. Сами адаптационные стратегии также различаются, прежде всего, по уровню решаемых задач. Наиболее значимые для существования общества адаптационные стратегии должны фиксироваться и передаваться самыми устойчивыми к изменениям транслирующими механизмами. Таким механизмом и является язык, а точнее, одна из его грамматических основ, регламентирующая способ организации слов в предложении». [5, с.317].

Как же все-таки нам — при разных ТИМах и весьма различных картинах Мира — общаться с более полным удовлетворением, достоверно понимать смыслы и более четко, адекватно передавать свои сообщения?

Легко и просто достичь понимания смыслов по сходным эмоциям, найдя аналог своих собственных переживаний в модели Мира другого человека. Забавный пример тому показал Анвар Бакиров [1, с.30]:

«Два советских скрипача приехали на международный конкурс. На конкурсе один из скрипачей занял второе место, а другой — последнее. Первый плачет, второй спокоен.

— Боже мой! Ведь если бы я занял первое место, мне дали бы сыграть на скрипке Страдивари!...

— Ну, не расстраивайся ты так. Второе место тоже призовое. Черт с ней со Страдивари!

— Как ты не понимаешь! Страдивари! Это все равно, что тебе дать пострелять из маузера Дзержинского....»

Более сложно, но и более эффективно — развивать **культуру мышления** (способность к четкому выражению мыслей, точному подбору слов) и **культуру речи** (прежде всего — следование нормам литературной речи, сведение к минимуму или полное устранение избитых речевых штампов, стереотипов, автоматизмов, которые не несут прямой смысловой нагрузки, а значит, скорее засоряют речь, чем расширяют ее возможности).

Речь становится наиболее активным средством межличностного воздействия. Следовательно, нужно шлифовать свое умение сознательно управлять наиболее важными качественными характеристиками речи, такими, как:

- **Доступность** — точный отбор языковых средств для адекватного выражения мыслей с учетом возможностей восприятия слушателей (признаком мастерства речевого взаимодействия является умение сказать о сложных вещах живо и просто, т. е. «перевести» содержание на общедоступный язык).
- **Выразительность** — умение вызвать в сознании слушателей наглядные образы с помощью примеров, метафор, аллегорий, сравнений.
- **Вариативность** — способность об одном и том же говорить по-разному, используя различные языковые средства, приемы композиции словесного материала, стилевые особенности.
- **Эмоциональность** — способность воздействовать на эмоции и чувства слушателей. Эмоциональная окраска высказывания обычно дополняет содержание сообщения информацией о том, как говорящий сам относится к сказанному. Нередко именно интонация оказывается решающей в расшифровке полученного сообщения. Даже маленький ребенок ориентируется больше на интонацию, чем на слова.
- **Произвольность** — высокий уровень речевой активности и способности к самоуправлению, отсутствие речевых штампов, готовность поддержать или организовать разговор на любую тему.
- **Логичность** — последовательность развертывания аргументации, удержание на основной идее. Противоположная характеристика речевой деятельности метко выражена в поговорке «Начал за здоровье, закончил за упокой». Нередко в ходе развернутого речевого

сообщения у говорящего появляются дополнительные ассоциации, интересные мысли, на которых также хочется остановиться. Неспособность противостоять этому искушению приводит к постепенному изменению предмета сообщения, уходу от основной темы, а иногда и к выводам, прямо противоположным тем, что декларировались в начале сообщения. Особенно часто такой уход от основной проблемы наблюдается в ходе эмоционально напряженного диалога, приводящего к конфликту.

- **Уместность** — соответствие содержательных и стилистических особенностей речевого высказывания ситуации взаимодействия.

Более полно осмыслить роль речи в жизни человека можно только исходя из всей совокупности знаний о психических явлениях, многие из которых человечеству еще только предстоит познать.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бакиров А.* НЛП: Люди, которые играют роли. — СПб.: Питер, 2002. — 192 с.
2. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений в 6 томах. — М., 1983.
3. *Завалкевич Л. Э.* Психология эффективного менеджера. — К.: Ника-Центр, 2002. — 288 с.
4. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. — М., 1979.
5. *Мельникова А. А.* Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. — СПб.: Речь, 2003. — 320 с.
6. *Ричард Бах.* Бегство от безопасности. — Перев. с англ., К.: «София» Ltd, 2000.

Статья поступила в редакцию 24.08.2006 г.